

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА / LEXICOLOGY AND STYLISTICS

В.А. Мельничук
V.A. Melnichuk

АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В МАССОВЫХ ГОРОДСКИХ ГАЗЕТАХ ПЕТЕРБУРГА КОН. XIX – НАЧ. XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ «ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ» И «ПЕТЕРБУРГСКОГО ЛИСТКА»)

THE ANIMALISTIC METAPHOR IN MASS URBAN NEWSPAPERS OF ST. PETERSBURG IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF "PETERSBURGSKAYA GAZETA" AND "PETERBURGSKY LISTOK")

Статья посвящена функционированию анималистических метафор в языке массовой городской прессы Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX веков на примере «Петербургского листка» и «Петербургской газеты». Несмотря на активное изучение зооморфизмов в отечественной лингвистике, их роль в текстах «малой прессы», ориентированной на низового городского читателя, не была описана. Цель исследования – выявить анималистические метафоры, характерные для дискурса городских массовых газет указанного периода, описать основания для создания таких метафор и их функции в публицистических текстах. В статье рассмотрены зооморфизмы, использовавшиеся для характеристики как конкретных медийных персон, так и обобщенных социальных типажей. Установлено, что основаниями для создания анималистических метафор в газетных текстах могут служить визуальное сходство, созвучие и возможные этимологические связи, а также бытовые детали, связанные с биографией медийной персоны. Удалось выделить ряд устойчивых метафор, закрепленных в языке массовой прессы за значимыми для городской и имперской жизни персоналиями. Отмечается возможное влияние на употребление анималистических метафор в газетных текстах традиционных приемов отдельных фольклорных и литературных жанров. Более подробно проанализировано функционирование ихтионимов (акула, щука, карась, плотва и др.). Отмечено, что ихтионимические метафоры могли вводиться в текст для отображения сложной социальной иерархии, в частности для описания сферы предпринимательства, обозначения различных сословий и национальностей. Можно прийти к заключению, что ряд выделенных анималистических метафор продолжает функционировать в языке XXI в., хотя и оказывается ограничен особой сферой употребления (профессиональный жаргон) либо характеризуется изменением грамматической сочетаемости и оценочного знака. Делается вывод о том,

что анималистическая метафора в массовой прессе Петербурга рубежа веков была многофункциональным инструментом: она обеспечивала развлекательность, могла быть элементом эзопова языка, формировала общественное мнение и конструировала целостную картину городской жизни в сознании читателя.

Ключевые слова: русский язык начала XX в., язык газеты, анималистическая метафора, зооним, иктионим.

This article examines the functioning of animalistic metaphors in the language of the mass urban press of St. Petersburg in the late 19th and early 20th centuries, using the newspapers "Peterburgsky Listok" and "Peterburgskaya Gazeta" as case studies. Despite the active scholarly interest in zoomorphism in Russian linguistics, its role in the texts of the small press, which targeted a grassroots urban readership, has not been previously described. The aim of this research is to identify the animalistic metaphors characteristic of the discourse of mass urban newspapers from this period, and to describe the foundations for creating such metaphors and their functions in journalistic texts. The article examines zoomorphisms used to characterize both specific media personalities and generalized social types. It is established that the basis for creating animalistic metaphors in newspaper texts could be visual similarity, assonance, possible etymological connections, as well as mundane details from a public figure's biography. The study identifies a number of stable metaphors that became fixed in the language of the mass press in reference to personalities significant to urban and imperial life. The potential influence of specific folkloric and literary genres on the use of animalistic metaphors in newspaper texts is also noted. The functioning of ichthyonyms is analyzed in greater detail. It is noted that ichthyonymic metaphors could be introduced into the text to reflect a complex social hierarchy, particularly to describe the sphere of entrepreneurship and to denote various social estates and nationalities. The study concludes that a number of the identified animalistic metaphors continue to function in the 21st-century language, but limited to specific domains or characterized by changes in grammatical collocation and connotation. The final conclusion is that animalistic metaphor in the mass press of fin-de-siècle St. Petersburg was multifunctional: it provided entertainment, could serve as an element of Aesopian language, shaped public opinion, and constructed a holistic picture of urban life in the reader's mind.

Key words: Russian language of the early 20th century, newspaper language, animalistic metaphor, zoonym, ichthyonym.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-5-12

В отечественной лингвистике анималистическая метафора широко исследуется. Наиболее активно изучают зоонимы, которые используются для характеристики человека [10], причем подобные анималистические метафоры нередко рассматриваются в сопоставительном ключе – на фоне этнокультурной специфики другого языка [6; 7; 12]. Последовательно отмечается оценочность зооморфизмов, а их функционирование, например, в политическом медиадискурсе рассматривается как «способ мышления, осмысления общественной жизни, а также способ передачи субъективного отношения к предмету речи» [2, 88]. Особый интерес представляет употребление анималистических метафор в художественном тексте, которое изучается в диахроническом аспекте [22] и получает лексикографическую фиксацию [15; 16].

В нашей статье предметом исследования являются анималистические метафоры, использовавшиеся в языке массовых городских газет Петербурга кон. XIX – нач. XX вв. – «Петербургском листке» и «Петербургской газете». Эти издания могут быть обозначены

как «малая пресса», к которой относят «... ряд еженедельных изданий ("тонких" журналов и газет) с относительно небольшим тиражом, рассчитанных в основном на низового читателя, городского обывателя...» [24, 21]. В центре внимания «Петербургского листка» и «Петербургской газеты» было отображение событий городской жизни, меньший печатный объем занимали новости международной и провинциальной жизни. Конструирование образов героев городских событий, в том числе создание типажей городских жителей, представлявших разные сословия, национальности, роды занятий, по нашим наблюдениям, нередко основывалось именно на введение в текст зооморфизмов, которые придавали газетным текстам, во-первых, развлекательность, а во-вторых, могли быть элементом «эзопова языка».

Типичным примером использования зоонимов для метафорического осмысления образа является развлекательный материал «Мир животных в лицах», который представляет собой креолизированный текст. Невербальный компонент текста составляют изображения животных и птиц с реалистичными, легко узнаваемыми лицами известных, значимых в масштабе городской, а иногда и имперской, жизни персон. Так, лицо городского головы И.И. Глазунова соединено с туловищем моржа, гласного городского думы и товарища городского головы Д.И. Дёмкина – с телом цапли. Головы политических деятелей А.И. Гучкова – с телом петуха, В.М. Пуришкевича – с телом филина-пугача, В.Н. Крупненского – с телом белого медведя. Лицо художника И.Е. Репина сочетается с телом быка, оперного певца Ф.И. Шаляпина – с телом бульдога, начальника Офицерской воздухоплавательной школы А.И. Кованько – с телом орла. Каждый «портрет» сопровождается текстовым комментарием, называющим вид животного и имя человека, а иногда поясняющим образ: *филин-пугач (Пуришкевич); Русский петух (Гучков); морж (Глазунов) питается севрюгой; куокколовский бычок (Репин) худого сена не ест; цапля (Демкин) любит цапать* (рядом с цаплей изображена лягушка с подписью «пирог» – намек на устойчивое выражение «урвать (ухватить) свой кусок пирога», которое часто использовалось городскими газетами); *северный медведь (Крупненский)* (табличка над медведем «много водки не давать»); *бульдог (Шаляпин) близко просят не подходить; боров (Петров) говорят, что санитарный; орел (Кованько) на старости летает плохо* [20, 6].

Основанием для создания некоторых из этих анималистических метафор служит визуальное сходство: например, И.И. Глазунова из-за профиля и формы усов в прессе неоднократно сравнивали с моржом, ср. «И разве мой лик, напоминающий иностранцам моржа, а отечественным карикатуристам – севрюгу, мало говорит вашему русскому сердцу?» (Все примеры даются в современной орфографии, но с сохранением пунктуационного оформления источника) [14, 9]. Упоминание *севрюги* связано с еще одной анималистической метафорой, характерной именно для петербургской массовой прессы нач. XX в. [17].

В основе ряда приведенных зооморфизмов лежит общезыковая метафора: *петух* 'перен. О задорном, заносчивом человеке; забияка (разг. Фам.)' [27, т. 3, стб. 246.] – А.И. Гучков, который в тексте представлен петухом, был известен склонностью к дебатам и резким высказываниям в адрес оппонентов в Государственной думе; *орел* 'перен. Блестящий, талантливый, выдающийся человек (ритор.)' [27, т. 2, стб. 848–849.] – А.И. Кованько, который действительно был выдающимся аэронавтом, многое сделал для развития воздухоплавания. Он был награжден орденом Красного орла (Пруссия), и эту деталь при создании текста журналист, возможно, также учел.

Более любопытным представляется основание для метафорического употребления зоонима *цапля*, который соотнесен со словом *цапать*, вероятно, по созвучию. Этимологически название птицы, действительно, может быть связано с этим глаголом (см. сведения из этимологического словаря М. Фасмера: «Предполагают родство с чапать 'хватать'; см. Бернекер I, 136; Брюкнер 72. Бернекер (там же) сравнивает, однако без уверенности, также с укр. чапати́ся 'брести пошатываясь', словен. čapljati

'плескаться'» [28]). Однако анималистическая метафора в газете опирается не на буквальное значение глагола *цапать* 'хватать к.-л. предмет', а на фигуральное – 'хватать то, что тебе не принадлежит; наживаться'. Д.И. Дёмкин, которого изобразили цаплей, не раз был замечен в коррупционной деятельности, о чем писали городские газеты.

Метафорические образы медийных персон начала XX в. И.Е. Репина и Ф.И. Шаляпина – основаны на деталях их повседневной жизни, о которых публика хорошо знала из газетных репортажей. Анималистическая метафора *куокколовский бычок* отсылает к вегетарианской диете («обеда из сена») И.Е. Репина под влиянием прогрессивных взглядов Н.Б. Нордман-Северовой – супруги художника. Изображение Ф.И. Шаляпина с телом бульдога напоминает о том, что певец любил эту породу собак и был владельцем французского бульдога. Подчеркнем, что некоторые из проанализированных анималистических метафор достаточно устойчивы и регулярно встречаются в языке массовых городских газет Петербурга: это *севрюга* и *морж* как обозначение И.И. Глазунова, *петух* как обозначение А.И. Гучкова.

В городских газетах встречаются и антропоморфные метафоры, ориентированные на представление не конкретной персоналии, а определенной общественной группы или типажа. Ср. опубликованную «Петербургским листком» заметку из рубрики «Отголоски», материалы которой составляли обычно переосмысленные в развлекательном юмористическом или сатирическом ключе факты городской жизни: «Зато на днях, как сообщали газеты, по Невскому преспокойно бежала **лисица**.

За ней, разумеется, погнались. Но она быстро улепетнула и скрылась в подъезде немецкого клуба. Да и что за удивление, если на Невском гуляет лисица? Там можно встретить и **лисиц**, и **зайцев**. И рогатых **олений**. Попадаются **акулы** и **щуки**. В полдень они заходят к Доминику и съедают по куску кулебяки». [25, 3]

В реальном городском пространстве, обозначенном топонимами (Невский проспект) и эргонимами (Немецкий клуб, называвшийся также Шустер-клуб, «Доминик» – кафе-ресторан, располагавшийся на Невском проспекте и славившийся буфетом «с водками и закусками – кулебяками, бутербродами, пирожками...» [9, 296]), разворачивается повествование, центральным приемом в котором становится антропоморфизм, характерный для басен и народных сказок о животных, а также использовавшийся в мировой литературной традиции (европейской городской литературе – «Роман о Лисе», русской сатирической «Повести о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове», сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина и др.). Антропоморфизм достигается с помощью введения в текст анималистических метафор. Часть из этих метафор понятна и современным носителям русского языка (*рогатый олень* – метафора мужа, которому изменяет жена; *лисица* – хитрый человек). Другие же в настоящее время либо менее активно используются в литературном языке, поскольку имеют ограниченную сферу функционирования, либо претерпели изменение лексического значения, либо не используются как содержащие неактуальные для современного носителя русского языка образы.

Зооним *заяц* использовался для обозначения участника торговли на бирже, зарабатывавшего на скачках курса в течение дня, ср.: «У страха глаза велики – вообще, а у игроков на бирже – в частности, тем более, что большая половина биржевой корпорации состоит из... "зайцев", а, ведь, мудрая пословица говорит: "Труслив как ... заяц"» [4, 5]. И в «Петербургской газете», и в «Петербургском листке» регулярно печатались карикатуры, изображавшие биржевых игроков разных категорий. Слова, относящиеся к биржевому профессиональному жаргону (*американка*, *заяц*, *онколь*, *онколист* и т.д.), давались в таких публикациях без дополнительных пояснений, очевидно, потому, что участники биржевых торгов составляли заметную часть постоянных читателей этих городских изданий. В современном русском языке это значение слова *заяц* продолжает существовать как профессионализм и встречается в отдельных газетных и интернет-материалах (см. «Животные в мире инвестиций: кто такие медведи, быки и единороги» [11]).

Ихтионимы *акула* и *щука* нередко использовались в языке городских газет Петербурга для характеристики участников деловых отношений. Соответствующее значение *акула* отражено в толковом словаре: 'перен. Корыстный делец, хищнически пользующийся чужим трудом и имуществом, эксплуататор (газет., ритор.). Акулы капитализма' [27, т. 1, стб. 25]. Метафорический перенос значения обоих ихтионимов связан с переосмыслением семы 'хищная рыба' и ассоциативного компонента значения 'прожорливость' (ср.: ела, как акула; акула по обжорливости барышами; вы уже не кушаете, а жрете, как акулы).

Слово *акула* при метафорическом употреблении демонстрировало более широкую, по сравнению с русским языком XXI в., сочетаемость: *фондовая акула, квартирная акула, табачная акула, дровяная акула* и т.д. Отличалась и грамматика: слово *акула* образовывало атрибутивные словосочетания со связью согласование с относительными прилагательными, тогда как в наше время более характерны сочетания этой лексемы в переносном значении с формами родительного падежа существительного или с аналитическими прилагательными: ср. *нефтяная акула, акула капитализма, акула бизнеса, акула шоу-бизнеса, IT акулы*. Явно изменилась оценочность этой анималистической метафоры: если в газетном языке кон. XIX – нач. XX вв. она демонстрировала исключительно отрицательную оценку, то в языке XXI в. встречается употребление с положительным оценочным знаком в составе собственных наименований (компания «Акулы рекламы», телеграм-канал «Бизнес акула», профессиональное сообщество «IT акулы» в социальной сети «ВКонтакте»).

Ихтионим *акула* мог метафорически не только характеризовать лицо, но и описывать сферу международных отношений: «Что касается Англии, то она, на случай каких-нибудь непредвиденных осложнений на Балканском полуострове, выработала уже целую программу захвата более выгодных клочков турецкой империи. В этом случае, **Англия изображает собою хорошую акулу** и только...» [23, 2].

Представляет интерес также переход ихтионимов из имен нарицательных в имена собственные, который был мотивирован не только метафорическим значением, но и интертекстуальными связями [19]. В языке городских газет Петербурга бытовали многочисленные сатирические «говорящие имена» дельцов: *Акула Акулыч Кошельков, Акула Крокодилович, Акула Обдуралович Живоглотов, Кит Китыч* и т.п.

Ихтионим *щука*, как уже было отмечено выше, создавал анималистическую метафору по аналогии со словом *акула* и демонстрировал сходную сочетаемость, обозначая менее состоятельного по сравнению с *акулой* дельца. Сочетание в контексте нескольких анималистическую метафор, включавших ихтионимы, использовалось журналистами, чтобы выстроить иерархию дельцов по степени успешности и деловой хватке: «Лет восемнадцать тому назад Галин даже **пискарем табачным** не был, а снискивал себе жалкое пропитание продажей на улицах лотерейных билетов. Судьба столкнула его с одною **табачною щукою**, познакомившею его, в свою очередь, с **табачною акулою**. Табачной акуле понравился простовато-смышлennyй вид "лотерейного продавца", и она предложила ему быть **пискарем**» [13, 2].

В развернутых анималистических метафорах, описывавших отношения служащих одного учреждения, могли использоваться названия крупных и мелких рыб, что служило естественным критерием их ранжирования: «Деп. Кропотов требует, чтобы не только **плотва**, но и **щуки** администрации попадали в сети юстиции» [8, 10]. Разнообразие видов рыб, облик и повадки которых были хорошо известны носителям языка, а также традиция соотнесения конкретного вида с образом определенного сословия или национальности в художественной литературе служили для создания еще более сложных метафорических иерархий [18]: так, мелких чиновников представляли в образе *пискарей*, обывателей – в образе *плотвы* или *карасей*, полицию – в образе *голавлей*, *щуки* могли быть метафорическим обозначением не только коммерсантов, но и евреев [3, 4]. Было отмечено также особое метафорическое значение ихтионима *карась* для обозначения мужчины, нередко провинциала или сына богатого купца, которого вынуждала сорить деньгами понравившаяся ему артистка (ее в подобных текстах могли обозначать также ихтионимом –

щук): «Так на кафешантанном языке называются поклонники артисток, которые по обязанности должны разыгрывать роль щук, и если не проглатывать самого поклонника, то хотя бы содержимое его кармана в пользу буфета...» [21, 1].

Отметим, что иногда употребление анималистической метафоры базировалось на трансформации устойчивого выражения. Например, выражение *любить ч.-л., как карась, чтобы жарили его в сметане* привело к возникновению такой метафоры, формировавшей оценочное отношение к политике Турции в Первой Балканской войне: «**Турки любят, чтобы их били, как карась, чтобы жарили его в сметане**, но они еще больше любят, чтобы их забирали в плен. **Тогда карась прямо-таки купается, как сыр в масле**» [5, 3].

Анималистическая метафора могла применяться не только для описания субъекта, но и для обозначения предмета: в частности, удалось зафиксировать арготизм *камбала* в значении 'пенсне'.

На наш взгляд, отдельного изучения требует вопрос о закреплённости отдельных анималистических метафор в языке массовых газет и их вхожести в язык литературный. Если слова *заяц, акула, щука* показывают достаточно устойчивое употребление в метафорическом значении, то есть ряд метафор, которые, несмотря на повторяемость, встречаются в текстах одного и того же корреспондента, проявляя таким образом черты журналистского штампа. Так функционирует, например, выражение *тоном маринованной корюшки (сказать что-л.)* в значении 'вяло, безэмоционально'.

Тем не менее представляется, что анималистические метафоры в газетном тексте были важным средством конструирования образа городского пространства в сознании массового читателя. Они позволяли обойти цензурные затруднения при описании жизни города (например, деятельность городской думы), различных типажей городских жителей, придавали текстам развлекательный характер и одновременно формировали общественное мнение.

1. Болгова Е.В. Зоонимы русского языка в современно речевом употреблении: семантико-прагматический подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2021.
2. Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Анималистическая метафора в современном политическом медиадискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. № 6. 2022. С. 88–107.
3. В «Аквариуме» // Петербургский листок. № 199. 25.07.1886.
4. Вскользь // Петербургский листок. № 28. 29.01.1904.
5. Вчера. Сегодня. Завтра // Петербургская газета. № 285. 16.10.1912.
6. Галимова О.В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
7. Гориунов Ю.В. Зооморфные метафоры, обыгрывающие коварство, двуличие и лицемерие человека в русской и английской лингвокультурах // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 1. С. 144–148.
8. Государственная дума. Об ответственности должностных лиц // Петербургская газета. № 315. 20.11.1911.
9. Демиденко Ю.В. Рестораны, трактиры, чайные. Общественное питание в Петербурге. СПб., 2025.
10. Жаркова А.В. Русские зооморфизмы – названия домашних животных (на фоне литовского языка) // Русистика и компаративистика. 2011. Вып. 6. С. 141–160.
11. Животные в мире инвестиций: кто такие медведи, быки и единороги // Лента PRO.FINANSY. URL: <https://lenta.profinansy.ru/blog/1755850> (дата доступа: 04.11.2025)
12. Иванова Е.Н., Лиин Л. Образная характеристика поведения человека в русском и китайском языках // Человек в мире культуры. 2014. № 14. С. 88–91.
13. Из залы суда. Темное царство // Петербургский листок. № 218. 14.10.1889.
14. Искусство нравиться. Опыт шаловливой анкеты // Петербургская газета. № 319. 20.11.1911.

15. Кожеевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1 «Птицы». М., 2000.
16. Кожеевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи». М., 2010.
17. Мельничук В.А. Севрюга и севрюжники: об одном случае языковой игры в петербургской публицистике 1900–1910-х гг. // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2023): сб. науч. тр. СПб., 2024. С. 297–305.
18. Мельничук В.А. Петербургский аквариум: сословия и городские типы в зеркале ихтионимической метафоры // Медиалингвистика. Материалы IX международной научной конференции. СПб., 2025. С. 197–201.
19. Мельничук В.А. «Говорящие имена» дельцов в бульварной прессе Петербурга к. IX–XX вв. // Ономастика Поволжья: сборник материалов XXIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». Астрахань, 2025. С. 75–78.
20. Мир животных в лицах // Петербургская газета. № 352. 23.12.1910.
21. Николаев Г. Вокруг миллионов // Петербургская газета. № 307. 08.11.1910.
22. Николina Н.А., Петрова З.Ю. Ихтионимы в составе антропоцентрических компаративных конструкций русской художественной речи // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. Вып. 4. С. 84–91.
23. Новые течения политики по балканскому вопросу // Петербургский листок. № 239. 03.09.1886.
24. Орлов Э.Д. Литературный быт 1880-х годов. Творчество Чехова и авторов «малой прессы»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
25. Отголоски // Петербургский листок. № 23. 24.01.1893.
26. Смирнова Л.Г. Люди и звери. Наименования животных как оценочная характеристика человека в русском языке // Русский язык за рубежом. 2009. № 5. С. 48–55.
27. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935–1940.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://gifo.me/dict/vasmer/%D1%86%D0%B0%D0%BF%D0%BB%D1%8F> (дата доступа: 12.11.2025).

Информация об авторе

Виктория Александровна Мельничук,
Высшая школа печати и медиатехнологий
Санкт-Петербургского государственного
университета промышленных технологий
и дизайна (Петербург, Россия).
191180, Россия, Санкт-Петербург,
пер. Джамбула, 13.
Кандидат филологических наук, доцент
кафедры книгоиздания и книжной торговли.
Научные интересы: лексикология, стилистика.
ORCID ID: 0009-0007-4845-5871
SPIN-код: 8246-9647, AuthorID: 939891
E-mail: hatikva_gdola@mail.ru

Information about the author

Viktoriya A. Melnichuk,
Saint Petersburg State University of Industrial
Technologies and Design,
Higher School of Printing and Media Technologies
(Saint Petersburg, Russia).
191180 Russia, St. Petersburg,
Dzhambula Lane, 13.
Candidate of Sciences in Philology,
Associate Professor of the Department
of Book Publishing and Book Trade.
Research interests: lexicology, stylistics.
ORCID ID: 0009-0007-4845-5871
SPIN-code: 8246-9647, AuthorID: 939891
E-mail: hatikva_gdola@mail.ru

Поступила в редакцию 13.11.2025;
одобрена после рецензирования 28.11.2025;
принята к публикации 28.11.2025;
опубликована 18.12.2025.

The article was submitted 13.11.2025;
approved after reviewing 28.11.2025;
accepted for publication 28.11.2025;
published 18.12.2025.

Ссылка для цитирования: Мельничук, В.А. Анималистическая метафора в массовых городских газетах Петербурга кон. XIX – нач. XX вв. (на материале «Петербургской газеты» и «Петербургского листка») // Филологос. 2025. № 4 (67). С. 5–12. DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-5-12.

For citation: Melnichuk, V.A. The animalistic metaphor in mass urban newspapers of St. Petersburg in the late 19th – early 20th centuries (based on the materials of "Peterburgskaya gazeta" and "Peterburgsky listok") // *Philologos*. 2025. No. 4 (67). Pp. 5–12. DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-5-12.

Права: © В.А. Мельничук (2025). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY-NC 4.0).